

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

IV

ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ПЕРЕДНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

ОБ ИСКУССТВЕ ВЕДИЙСКИХ РИШИ

Древнеиндийская грамматика выросла, как известно, из вед и называлась ведой вед, тем самым представляя собой надстройку над совокупностью сакральных текстов — обстоятельство, определившее в значительной степени цели и задачи древнеиндийского языкознания. Одна из основных ее целей заключалась в том, чтобы предельно точно сохранить текст, зафиксировав его раз и навсегда с помощью твердых правил. В дальнейшем ситуация сложилась так, что свод правил, выросший из текстов определенного периода, стал рассматриваться как эталон для всех дальнейших текстов, т.е. из-за авторитета грамматики стали отрицать возможность дальнейшего развития литературного языка, что само по себе парадоксально. Высшим проявлением этого торжества грамматики над языком была знаменитая грамматика Панини (V в. до н.э.), зафиксировавшая в качестве нормы особенности языка брахманической прозы.

Язык более древней ведийской поэзии, или язык мантр, представленный в четырех собраниях-самхитах, с которых начинается индийская литературная традиция (т.е. не позднее чем с середины II тысячелетия до н.э.), с точки зрения этой нормативной грамматики изобиловал многочисленными отклонениями и вариантами. Стремление сохранить текст существовало и тогда, и это выразилось в создании пратишакхья — сводов правил рецитации отдельных вед и перечня типичных ошибок при произношении. Не менее сильным, однако, у авторов ведийских гимнов-риши было стремление экспериментировать, создавать пробные формы, лексические сочетания и синтаксические конструкции. Вообще текучесть и динамичность форм наряду с сохранением крайних архаизмов присущи индоевропейской поэтической речи (*indogermanische Dichtersprache*), разновидностью которой является язык мантр. Эксперименты ведийских поэтов-риши превышают все, что возможно было для древнегреческих и латинских поэтов. Смелость риши заключалась в том, что они могли ставить эксперименты, выходявшие за пределы языка, того концептуально-категориального каркаса, который давался самим языком. Они умели превратить язык

в предельно точный инструмент, с помощью которого можно было выразить суть их видения мира¹: смену статичных мифологических картин; набор мифологических сюжетов, неизменно повторяющихся и протекающих вне времени (они были некогда, происходят сейчас и будут происходить в дальнейшем — т.е. они вечны); представление мифологического персонажа в виде набора характерных признаков, действий, атрибутов, по которым этот персонаж идентифицируется в тексте, даже когда он не назван, и т.п.

Поэзия грамматики и грамматика поэзии (термин Р.О.Якобсона)² — тема в высшей степени актуальная для искусства ведийских риши. Ведийский язык, как известно, обладает крайне разраженным флективным строем (далеко продвинутом вперед в этом отношении по сравнению не только с исходным общеиндоевропейским, но и с индоиранским состоянием). Это особенно ярко проявляется в глаголе, где глагольный корень объединяет вокруг себя не менее полутора сотен флективных форм, способных выражать категории времени и склонения. Богатство этих форм широко используется в гимнах "Ригведы", но наряду с ним употребляется категория, противоречащая всей видо-временной системе в целом, — инъюнктив, трактующий действие вне времени и модальности и просто упоминающий его (по К.Хофману — меморативная функция³). Еще Л.Рену отмечал, что инъюнктив в "Ригведе" является архаизмом, используемым авторами гимнов в стилистических целях⁴. Более того, можно сказать, что инъюнктивизация текста входит в состав опытов риши по снятию лингвистической определенности текста.

В гимнах, где повествуется о мифологических событиях (Индра убивает дракона Вритру, сковавшего течение рек, выпускает течь воды, устанавливает небо и землю, пробурливает скалу Вала и выпускает коров и др.), временные вехи задаются в виде отдельных аугментных, перфектных или презентных (т.е. формально охарактеризованных) форм, которые служат некоторыми ориентирами, а повествование может незаметно соскальзывать на формы инъюктива, который получает ту или иную временную и модальную интерпретацию лишь в рамках данного контекста, придавая всему повествованию некоторую неопределенность. Кстати, при переводе таких текстов на современные языки, глагол которых должен выражать категории времени и склонения, но не меморативности, это значение передать невозможно.

¹ См.: *Gonda J.* The Vision of the Vedic Poets. The Hague, 1963.

² *Jakobson R.* Поэзия грамматики и грамматика поэзии. — Selected Writings. III. The Hague — Paris — New York, 1982, с.63—86.

³ См.: *Hoffmann K.* Der Injunktiv im Veda. Heidelberg, 1967.

⁴ См.: *Renou L.* Les formes dites d'injonctif dans le Rgveda. — Etrennes de linguistique offerts à Emile Benveniste. P., 1927, с.63—80.

Следует добавить еще, что в силу жанровых особенностей гимнов богам, содержащих просьбы и пожелания, непосредственно соотносящиеся с восхвалениями богов⁵, модальные формы заметно преобладают над формами индикатива (четкая же дифференциация системы времен свойственна индикативу).

В качестве примера можно привести начало гимна Индре I, 121:

kád itthá nṛñh pátram devayatám
 çrávad gíro áṅgirasām turāyaṅ
 prá.yád ánaḍ viça á haryáasya
 urú kraṃsate adhvaré yájatraḥ 1

stambhīd dha dyám sá dharúnam pruşāyad
 ṛbhūr vājāya drávinam náro góh
 ánu svajám mahiṣác caksata vrām
 ménām áçvasya pári mātāram góh 2

nákṣad dhávam aruñih pūrvyám ráṭ
 turó viçám áṅgirasām ánu dyūn
 táksad vājram niyutam tastambhad dyám
 cátuṣpade náryaya dvipāde 3

asyá máde svaryám dā ṛtāya
 ápivrtam usriyānām ánikam
 yád dha praşárgé trikakúm nivartad
 ápa drúho mánuṣasya dúro vah 4

1. "(Примет) ли (Индра), действительно, (благосклонно) сосуд мужей, преданных богам? Услышит ли |subj.| спешащий песни Ангирасов? Когда доберется он |аор.| до членов семьи (этого) дома, пусть широко шагает |subj.| на (наш) обряд, (он,) достойный жертвы.
2. Ведь он укрепил |inj.| небо, он окропил |inj.| основу (земли). Искусный муж, (он назначил) богатство в виде коровы как награду (людям). Буйвол следил взглядом |inj.| за самкой, что родилась сама по себе. Кобылицу он пре (вратил) в мать коровы.
3. Являлся |inj.| царь на древний зов племен Ангирасов, (чтобы захватывать) алых (коров), сильный (бог), день за днем. (Тваштар) выточил |inj.| дубину, которую подарил (Индре), а (тот) укрепил |inj.| небо для четвероногого, для человека, для двуногого.
4. В опьянении этим (сомой) ты вручил |inj.| (космическому) закону шумную запертую вереницу коров. Когда же

⁵ Elizarenkova T. An Approach to the Description of the Contents of the R̥gveda. — Mélanges d'indianisme. P., 1968, с.255–268.

трехгорбый (бог) повернул [inj.] (стадо) в движении, ты открыл [inj.] врата, враждебные роду человеческому".

Можно предположить, что, если при наличии в ведийском глаголе развитой системы временных и модальных противопоставлений, тем не менее допустимы такие отрывки гимнов, как приведенный выше, это значит, что вопреки имевшейся в языке системе противопоставлений иньюнктив передавал нечто очень важное для мировоззрения риши.

Следует добавить, что в период "Ригведы" схема противопоставления времен в системе языка не была еще разработана до конца в том смысле, что оппозиции: план настоящего—план прошедшего — в очень незначительной степени противостоял план будущего (формы будущего времени встречаются в "Ригведе" только от 9 глаголов), который, как и во многих других языках, не был отделен от сферы модальности. Нормальным способом выражения будущего времени было употребление субъюнктива, и это также приводило к сужению области чисто временных противопоставлений и позволяло авторам гимнов смещать акценты в пользу модальности.

Известно, что содержание "Ригведы" сводится к очень ограниченному числу сюжетов, которые неизменно повторяются во всех мандалах, хранимые риши, принадлежащими к разным родам. Однако это хранение отнюдь не означает обязательной разработки сюжетов в привычной для нас линейной последовательности как причинно-следственной цепи событий (что тоже можно найти в гимнах, но в сравнительно небольшом числе случаев). Более обычным для гимнов является название сюжетов, известных риши и их аудитории, намеренное представление некоего содержания как реестра тем, связанных разными отношениями. Это может быть просто перечень сюжетов, как, например, в гимне Ашвинам VII, 71, 5:

yuvāṃ cyāvānaṃ jarāso 'mumuktaṃ
nī pēdāva ūhathur ācūm ācvaṃ
nīr āmhaṣas tāmasa spartam ātriṃ
nī jāhuṣāṃ cithiré dhātam atāḥ

"Вы избавили Чьявану от старости. Вы привели Педу быстрого коня. Вы спасли Атри из беды, из мрака. Вы дали Джухуше свободу".

В результате такого метода названия сюжетов нам остались неизвестными те из них, которые не были линейно изложены в более поздней древнеиндийской литературе (вплоть до эпоса).

Когда логически связаны между собой сюжеты или их фрагменты, то эта логическая связь не обязательно передается средствами языка, а может быть выражена в виде той же последовательности самостоятельных

предложений. Ср., например, отрывок из знаменитого гимна I, 32, в котором восхваляется основной космогонический подвиг Индры — убийство демона Вритры:

índrasya nú víryāṇi prá vocaṃ
yāni cakāra prathamāni vajri
āhann āhim ānv apās tatarda
prá vakṣāṇā abhinat párvatānām 1

āhann āhim párvate çicriyāṇām
tvāṣṭasmai vájraṃ svaryaṃ tatakṣa
vāçrā iva dhenávaḥ syāndamānā
āñjaḥ samudrām āva jagmur āpaḥ 2

1. "Индры героические деяния сейчас я хочу провозгласить: те первые, что совершил носящий дубину. Он убил дракона, он просверлил отверстия для рек, он рассек чресла гор. 2. Он убил дракона, покоившегося на горе. Тваштар ему выточил звучную дубину. Как мычание коровы (- к теленку), спеша, прямо к морю сбегает воды".

Так сообщается миф об убийстве Индрой-громовержцем дракона Вритры, который лежал, сковав течение рек, и тем самым вызывал хаос во вселенной. После того как бог Тваштар — создатель всех форм выточил Индре его дубину грома — ваджру, тот смог победить Вритру и в результате этого выпустить течь воды и пробуровать русла рек (а в более общем космогоническом плане — установить порядок во вселенной).

Характерно, что эти мифологемы в тексте гимна излагаются в виде ряда простых предложений (из сложных используются обычно с придаточным сравнения), в то время как ведийский язык располагает разными типами сложноподчиненных предложений, передающих и причинно-следственную связь, но они здесь не нужны. Такая языковая форма более всего соответствует быстрой смене сюжетов — статичных картин из области мифологии, хорошо знакомой риши и их аудитории и поэтому не нуждающейся в последовательном изложении. Это как бы конспект рассказа, допускающий пропуск причинно-следственных и иных указателей связи между мотивами.

Мифологические персонажи в "Ригведе" нередко были представлены в виде реестра признаков, которые просто перечислялись или же образовывали причинно-следственную цепь. В результате вокруг каждого божества создавалось некоторое поле, инерция определенных этикеток, которые можно было предикативизировать. Текущность и взвешенность подобной последовательности эпитетов (иногда распространенных оборотов) стирают грань между именными и предикативными конструкциями и создают немалые трудности для интерпретации текста.

Вот некоторые примеры, IX, 97, 39a: *sá vardhitá vár-dhanaḥ pṛyámānaḥ sómo* — строка, переводимая Гельднером как: "Er ist der Stärkende Stärker, der geläutete Soma"⁶, что является, по-видимому, наиболее вероятным переводом, притом что не исключен и другой: "Этот очищающийся сома — укрепляющий укрепитель". Формальных критериев, указывающих на тот элемент цепи, который является предикативом, нет⁷ (*sá* означает "он" и "этот", и определение может быть расположено дистантно по отношению к определённому слову).

Другой пример с развернутыми определениями, VII, 56, 13:

*ámseṣv á maruṭaḥ khādáyo vo
vákṣassu rukmá upaçiçriyāṇāḥ,
ví vidyúto ná vrṣṭibhī ruçāṇā
ānu svadhām āyudhair yāchamānāḥ.*

"На плечах у вас, о Маруты, пряжки, на груди — прикрепленные золотые украшения, ярко сверкающие, словно молнии среди капель дождя, вместе с оружием подходящие вашей природе". Переводя этот стих, Рену справедливо ставит в конце многоточие⁸ — это перечень, который можно было бы еще продолжить, а не фраза, завершенная предикатом. Гельднер же несколько рискованно делит эту цепь развернутых определений на несколько самостоятельных предложений: "Auf euren Schultern, ihr Marut, sind Spangen, an eurer Brust ist Goldschmuck angesteckt. Sie glänzen wie Blitze im Regen, mit den Waffen ihrer Eigenart entsprechend"⁹.

На синтаксическом уровне в языке этого периода существовали как личные глагольные предикативные конструкции, так и именные. В дальнейшем развитии языка эти два типа конструкций дали начало двум разным стилям: глагольному и именному, из которых последний лег в основу огромной научной философской и комментаторской литературы на санскрите.

Формирование именного стиля в санскрите было непосредственно связано с самой историей развития древнеиндийского языка (ср. дальнейшее формирование эргативных

⁶ Der Rig-Veda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt von K.F.Geldner. Cambridge, Mass., 1951 (Harvard Oriental Series, vol.35), с.99.

⁷ Та же проблема применительно к ведийской прозе рассматривается в книге: *Glen-Eklund G. A Study of Nominal Sentences in the Oldest Upaniṣads.* Uppsala, 1978.

⁸ См.: *Renou L. Études védiques et pāṇiníennes.* T.10. P., 1962, с.47.

⁹ См. перевод Гельднера: HOS, vol.34, 1951, с.231.

конструкций в новоиндийский период). Что же касается употребления цепочек признаков божеств, определений и приложений, то здесь речь идет о намеренной игре риши с языком, о нежелании определить причинно-следственные отношения, разницу между перечнем существительных и предикативным строем (подобно тому как в глаголе в определенных контекстах засвидетельствовано стремление избежать четкой временной ориентации).

О принципе приложений в языке риши следует сказать особо. Как было отмечено Рену¹⁰, ряд определений к одному имени в языке гимнов строится скорее как ряд приложений. Это относится прежде всего к указательным местоимениям и эпитетам богов. Глагол в ведийском языке, выражающий своей флексией лицо субъекта, необходим и достаточен для того, чтобы образовать предложение, а именительный падеж при глаголе нередко трактуется не как падеж субъекта, а как приложение к отсутствующему или имеющемуся имени субъекта (в последнем случае выбор между падежом субъекта и падежом приложения не всегда ясен). На этом постоянно ведется игра в гимнах. Например, VII, 20, 2, с - d:

kārtā sudāse āha vā u lokām
dātā vāsu mūhur ā dācūṣe bhūt

"Создатель простора, он стал в один миг дарителем добра и для Судаса, и для жертвователя"; или VII, 60, 5, с - d :

imā ṛtāsya vāvṛdhur duroṇē
ṣagmāsaḥ putrā āditer ādabdhāḥ

"Они возросли в доме закона, могучие сыновья Адити, недоступные обману".

Весьма часто встречаются ряды определений-приложений к одному слову в винительном падеже. Примером может служить ряд определений к имени Агни в гимне, открывающем "Ригведу", I, 1, 1 :

agnīm īle puróhitam
yajñāsya devām ṛtvījam
hótāraṃ ratnadhātamaṃ

"Агни призываю я (как) поставленного во главе, (как) бога жертвы, жреца, (как) хотара, приносящего самые

¹⁰ См.: Рену L. Remarques générales sur la phrase védique. — Symbolae linguisticae in honorem G.Kuryłowicz. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965, с.230—234.

большие сокровища". Синтаксическое членение не задано текстом, и Гельднер справедливо поднимает в комментарии вопрос о том, образуют ли слова *pur̥bhitam* — *ṛtvījam* — *hótāram* одно понятие или нет¹¹.

Неоднозначность именной формы (при этом надо учесть, что морфологически существительное и прилагательное практически не различались), возникавшая на синтаксическом уровне при таком построении фразы, несомненно сознательно использовалась риши для создания неопределенности в отношениях между членами предложения, отражавшего своего рода инертность и текучесть содержания.

Те же черты творческого метода ризи дают о себе знать на синтаксическом уровне в некоторых особенностях построения сложных предложений. В принципе сложное предложение в языке гимнов достаточно развито. Существуют многочисленные частицы, выступающие в функции союзов, и ряд союзов, которые служат формальными средствами выражения сочинения и подчинения предложений. Используется смысловозначительная функция ударения при построении сложных предложений. Преобладающим типом сложноподчиненных предложений являются предложения с придаточным определительным с относительным местоимением *ya-*, которому в главном соответствует какое-либо указательное местоимение. Определяющий тип связи в этих предложениях — согласование.

В гимнах нередко встречаются предложения с нарушением этого согласования, что создает некоторую неясность в отношении характера связи между главным и придаточным предложением, т.е. в конечном счете в передаче содержания. Вот некоторые примеры, VIII, 97, 1 :

yá indra bhúja ábharah
svàryāñ ásurebhyah
stotāram ín maghavann asya vardhaya
yé ca tvé vṛktābarhiṣah

"Подкрепи этим восхвалителя, о щедрый — (теми) наслаждениями, которые ты принес от Асуров, обладая небом — и (тех), которые разостлали для тебя жертвенную солому".

Здесь нарушено согласование между относительным и указательным местоимением, а в одном случае указательное местоимение опущено. Такого же рода нарушения согласования, или анаколуфы, возможны в простом предложении, осложненном причастным оборотом, нередко близким по своей функции к придаточному предложению. Например, в I, 30, 1 :

¹¹ См. перевод Гельднера: HOS, vol.33, 1951, с.1.

á va índraṃ kríviṃ yathā ·
vājayántaḥ ṣatákratum
mámhiṣṭhaṃ síṅca índubhiḥ

"Когда для вас Индру, как рыжего (жеребца), мы подгоняем, стоумного, я поливаю самого щедрого соками сомы" (букв. "Индру подгоняющие ... я поливаю").

Следующий пример, выглядящий как сложное предложение с разорванной синтаксической связью, можно описать как сложноподчиненное предложение с придаточным определительным, в котором опущены относительное местоимение и глагол (эллипсисы в ведийской поэзии составляют особую тему), VII, 97, 4 с:

kámo ráyāḥ suvīryasya táṃ dāt

"Желание богатства, состоящего из прекрасных мужей, — пусть он дает его!" (sc. — богатство).

Так же можно интерпретировать предложения типа III, 26, 5:

agniṣrívō marúto viṣvákṛṣṭaya
á tveṣám ugrám áva ímahē vayám
té svānīno rudriyā varṣāñiṛṇijaḥ
siṃhā ná heṣákratavaḥ sudānavaḥ

"Украшенные с помощью Агни Маруты, принадлежащие всем народам, — мы просим об их страшной грозной помощи — эти гремящие сыновья Рудры, одетые в дождь, (кто) словно львы, чья сила духа в реве, (они,) очень щедрые боги...".

Синтаксис сложного предложения здесь разорван, центральное место занимает перечень характерных признаков богов, в который вклинивается как вводное самостоятельное предложение просьба о помощи этих богов.

Таким образом, и здесь делается попытка снятия лингвистической определенности, выход за пределы синтаксических структур, данных языком, экспериментирование с языком, помогающее точнее передать свое видение мира.